

УДК: [(94:39):001.891] (=554)

DOI: 10.30624/2220-4156-2018-8-2-385-395

Научное изучение коренных малочисленных народов Севера в арктических районах Якутии в 80-е гг. XX в.

А. А. Сулейманов

*Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН,
г. Якутск, Российская Федерация,
alexas1306@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

Введение: в статье представлена пионерная в отечественной историографии попытка научного анализа исследовательской деятельности по изучению коренных малочисленных народов Севера, проживающих в арктических районах Якутии, в 1980-е гг.

Цель: реконструкция истории реализации исследовательских инициатив в названные хронологические рамки, выявление их значения и основных особенностей.

Материалы исследования: исследование базируется на привлечении круга источниковых материалов, хранящихся в архивах Якутска, Санкт-Петербурга и Москвы, а также научной литературы.

Результаты и научная новизна: автором выявлены и рассмотрены основные исследовательские инициативы, реализованные в Заполярной Якутии в обозначенные хронологические рамки. В этой связи показаны их персональный состав, методика проведения, география и основные направления. Рассмотрены основные положения, выработанные участниками данных инициатив. Автором установлено, что под влиянием развития научной мысли и методологии исследований, а также изменений в общественно-политическом положении в Советском Союзе в 80-е гг. XX в. в «структуре» исследовательской деятельности, касающейся коренных малочисленных народов Севера Якутии, произошли серьезные изменения. В этот период были проведены первые в истории генетико-демографические изыскания, оригинальная Колымская лингвоэтнографическая экспедиция, а также подготовлен научный отчет «Характер и тенденции развития социально-культурных, языковых процессов у народностей Севера Якутии», фактически ставший «мостиком», соединившим два периода в оценке влияния советских практик на судьбы аборигенных этносов Арктики. Одновременно получили развитие и «традиционные» направления исследований, связанные с фольклором и языками коренных народов, хотя и здесь, как было установлено, особняком в исторической ретроспективе стоит IV-я комплексная фольклорная экспедиция.

Ключевые слова: Арктика, Якутия, коренные народы, научные исследования, экспедиции.

Для цитирования: Сулейманов А. А. Научное изучение коренных малочисленных народов Севера в арктических районах Якутии в 80-е гг. XX в. // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 2. С. 385–395.

Scientific research of the indigenous people of the North in the Arctic Districts of Yakutia in the 1980th of XX century

A. A. Suleymanov

*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Russian Academy of Sciences, Siberian Branch,
Yakutsk, Russian Federation,
alexas1306@gmail.com*

ABSTRACT

Introduction: the article presents a pioneering attempt in the Russian historiography for a scientific analysis of research activities on the study of indigenous people of the North living in the Arctic Districts of Yakutia in the 1980s.

Objective: to reconstruct the history of realization of research initiatives; to identify their values and the main features.

Research materials: the research is based on the involving a range of source materials stored in the archives of Yakutsk, Saint-Petersburg and Moscow, as well as scientific literature.

Results and novelty of the research: the author has identified and examined the main research initiatives implemented in Polar Yakutia in the designated chronological framework. In this regard, their personal composition, conducting methods, geography and main directions are indicated. The main provisions developed by the participants of these initiatives are considered. The author has found that under the influence of the development of scientific thought and research methodology, as well as changes in the socially-political situation in the Soviet Union in the 1980s. of XX century, in the «structure» of research activities relating to the indigenous people of the North of Yakutia, major changes have taken place. During this period, the first in the history of genetic and demographic research, the original and Kolyma linguistic-ethnographic expedition were conducted, as well as a scientific report “Nature and Trends in the Development of Socially-Cultural and Language Processes among the Nationalities of the North of Yakutia” has been prepared, which in fact has become a «bridge» connecting two periods in assessing the influence of Soviet practices on the fate of aboriginal ethnicities of the Arctic. At the same time, the «traditional» directions of the researches related to folklore and the indigenous languages were developed, although here, as it was established, the fourth complex folklore expedition stands apart in historical retrospect.

Key words: Arctic, Yakutia, indigenous people, researches, scientific expeditions.

For citation: Suleymanov A. A. Scientific research of the indigenous people of the North in the Arctic Districts of Yakutia in the 1980th of XX century // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2018; 8(2): 385–395.

Введение

В 13 арктических районах Якутии проживают представители 5 коренных малочисленных народов Севера: долганы, эвенки, эвены, юкагиры и чукчи. Как правило, в один ряд с ними ставят также самобытное этническое сообщество русских старожилов – походчан и русско-устыинцев.

Научное изучение названных этносов фактически ведется с XVIII в. В частности, ценные сведения были получены в ходе изысканий Д. Г. Мессершмидта, участников Второй Камчатской экспедиции, И. И. Биллингса и Г. А. Сарычева. В XIX – первой трети XX вв. Г. Л. Майдель, В. И. Иохельсон, В. Г. Богораз, участники фундаментальной Якутской комплексной экспедиции 1925–1930 гг. и другие исследователи сумели значительно расширить границы познания аборигенных этносов Арктики [5; 28]. Однако, как представляется, справедливо будет отметить, что действительно целенаправленное и систематическое исследование этих народов на территории Якутии началось после создания в республике первоначально базы (1947 г.), а затем филиала (1949 г.) Академии наук (АН) СССР.

Так, в 50-е гг. XX в. под руководством И. С. Гурвича было завершено сплошное социоэтнографическое изучение коренных малочисленных народов Севера, проживающих в арктических районах Якутии. В этот же период, прежде всего, усилиями Е. А. Крейновича,

К. А. Новиковой и Л. Д. Ришес, был придан значительный импульс в исследовании юкагирского и эвенского языков. 1959 г. в истории научного изучения аборигенных этносов Якутии оказался ознаменован проведением выдающейся по своим масштабам и результатам Юкагирской комплексной экспедиции (руководитель З. В. Гоголев, научный руководитель И. С. Гурвич).

1960-е – 1970-е гг., в силу ряда причин, хотя и были отмечены фактическим снижением активности этнографов (впрочем, и здесь нельзя забывать об экспедициях В. А. Туголукова и деятельности Якутского отряда Института этнографии АН СССР), однако характеризовались успешной научной работой лингвистов-выпускников ленинградского Института народов Севера: Х. И. Дуткина, В. Д. Лебедева, Г. Н. Курилова и В. А. Роббека, которые занимались в Заполярной Якутии исследованием родных для себя юкагирского и эвенского языков.

Период 80-х гг. XX в. в истории научного изучения коренных малочисленных народов Севера Якутии, как будет показано далее, имел свои значительные особенности. Однако сведения о нём можно подчеркнуть лишь в обобщающих работах по истории научной деятельности в Якутии, либо в исследованиях биографического плана [1; 3; 6]. В данной статье представлена пионерная в отечественной историографии попытка хотя бы частично восполнить этот пробел. Еще одним моментом актуализирующим,

как представляется, исследуемую проблематику является очевидная необходимость своевременного проведения научных изысканий, а также реактуализации аккумулированных учёными материалов в целях обеспечения устойчивого развития не только названных в начале работы коренных народов, но и других самобытных аборигенных сообществ арктического региона.

Материалы и методы

Работа основана, главным образом, на анализе научных отчётов, составленных по итогам проведения полевых изысканий или разработки исследовательских тем, которые хранятся в Рукописном отделе Архива Якутского научного центра Сибирского отделения РАН (г. Якутск), архивах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (г. Санкт-Петербург) и Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва), а также данных научной литературы с использованием общенаучных и специальных методов исторического познания (ретроспективный анализ, историко-типологический, историко-сравнительный и др.).

Результаты

В 80-е гг. XX в. продолжилось научное изучение эвенского языка. Так, в 1980 г. на основе полученных в ходе проведённых ранее полевых исследований материалов сотрудник Института языка, литературы и истории Якутского филиала (ИЯЛИ ЯФ) АН СССР Х. И. Дуткин завершил работу над научным отчетом «Аллаиховский говор эвенского языка (язык эвенов рода Дутки)». На страницах отчета исследователь представил собственную классификацию эвенского языка и составил описание говора эвенов Аллаихи. Исследователь установил общие и особенные черты, характерные для него в сравнении с литературным эвенским языком [18, Л. 1–288].

В том же году подготовил научный отчёт «Залоги глагола в эвенском языке» В. А. Роббек (ИЯЛИ ЯФ АН СССР). Названная работа в значительной степени зиждилась на результатах экспедиционных исследований учёного в селе Березовка Среднеколымского района Якутии [17, Л. 1–332]. Аккумулированы же результаты полевых исследований в этом населённом пункте были в отчете «Язык эвенов Березовки», работу над которым В. А. Роббек закончил в 1985 г.

Следует отметить, что до исследований В. А. Роббека говор эвенов Березовки ранее практически не был известен научному миру – упоминания о нём можно встретить только у В. Г. Богораза, работавшего в колымском регионе в конце XIX в. [28, 65–68]. Кроме того, отдельные исследования в 1964 г. там проводил В. Д. Лебедев [16, Л. 1–154].

В отчёте В. А. Роббек представил пионерный анализ фонетической и морфологической структуры, синтаксического порядка и лексического состава местной эвенской речи, выявил характерные для нее важнейшие отличительные черты. Эти черты, по мнению учёного, обуславливались, прежде всего, длительностью фактически изолированного положения населения Березовки, язык которого вплоть «сравнительно до недавнего времени» не подвергался влиянию русской, якутской, чукотской и юкагирской речи. В результате «не было ни единого раздела фонетики, морфологии», где бы березовский говор «не имел свои отличительные особенности», являвшиеся нехарактерными для других уже описанных говоров эвенского языка [19, Л. 1–250].

К отчету также прилагались краткий эвено-русский словарь и оригинальная мифологическая сказка «Нелтэк», ранее не зафиксированная в эвенском фольклоре. Опубликованы названные материалы были в 1989 г. в монографии «Язык эвенов Березовки» [14].

В 1988 г. описание другого говора эвенского языка – Усть-Янского – подготовил Х. И. Дуткин. В составленном по результатам полевых исследований автора 1976, 1979, 1987 и 1988 гг. в с. Сайылык Усть-Янского района научном отчёте были подробно рассмотрены фонетические характеристики гласных и согласных фонем, закономерности сочетания звуков речи, лексический состав языка проживающих в нём эвенов. В работе, кроме того, были представлены записанные автором 11 фольклорных текстов на усть-янском говоре эвенского языка с переводом на русский и краткий эвено-русский словарь, отражающий «наиболее специфичную лексику» [20, Л. 1–203].

Параллельно велись работы по исследованию юкагирского языка и фольклора. В частности, продолжил свои исследования Г. Н. Курилов, подготовивший вышедшие в свет в 1987 г. «Правила орфографии юкагирского языка» [13]. Кроме того, в течение полевых сезонов

1986–1989 гг. в Верхнеколымском районе Якутии сбором фольклорного и лингвистического материала занимались Л. Н. Жукова (Историко-филологический факультет Якутского государственного университета, А. Ф. Маликова (ИЯЛИ ЯФ АН СССР) и И. А. Николаева (Институт языкознания АН СССР).

Основной целью исследований И. А. Николаевой являлось изучение генетических связей юкагирского языка. В диссертации 1988 г. она на основе анализа архивного и опубликованного источникового материала, собственных полевых записей развила положения Е. А. Крейновича о принадлежности языка юкагиров к уральской языковой семье. Используя сохранившиеся лингвистические данные конца XVII – начала XIX вв. И. А. Николаева выявила наличие староякагирского диалекта, являвшегося непосредственным предшественником родного языка т.н. лесной (верхнеколымской) группы юкагиров. При этом было отмечено, что диалект тундренной группы юкагиров «располагается ближе к некоторым староякагирским диалектам, чем к современному диалекту верхнеколымских юкагиров...» [10, 12]. Данный факт, по мнению учёной, может объясняться глубокими связями юкагирского населения Нижнеколымского района и эвенов. Соотнося юкагирский язык с языками уральской языковой семьи, И. А. Николаева установила его «замечательные параллели» с восточно-уральскими языками, а также значительные юкаги́ро-финно-угорские лексические сопоставления [10].

Аккумулированные же Л. Н. Жуковой, А. Ф. Маликовой и И. А. Николаевой фольклорные материалы, а также тексты, составленные участником Юкагирской комплексной экспедиции А. Н. Лаптевым, легли в основу двухтомного сборника «Фольклор юкагиров Верхней Колымы» в который вошли более 80 сказок, древних сказаний, рассказов, песен, пословиц, поговорок и загадок [27].

Часть из этих материалов, касающихся фольклора юкагиров, Л. Н. Жукова и А. Ф. Маликова получили, участвуя в работе IV-й комплексной фольклорной экспедиции Сибирского отделения (СО) АН СССР.

Данная инициатива проводилась в марте – апреле 1987 г. в Томпонском, Оймяконском, Верхоянском, Момском, Абыйском, Аллаиховском, Верхне-, Средне- и Нижнеколымском районах Якутии с целью сбора материала для

юкагирского, эвенского и якутского томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Ее организаторами являлись Институт истории, филологии и философии (ИИФФ) СО АН СССР (г. Новосибирск) и ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР [15, Л. 1].

Инициатором осуществления экспедиции, а также в целом научного проекта подготовки и публикации названной выше серии являлся А. Б. Соктоев (заместитель директора Института общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР, затем – руководитель сектора фольклора народов Сибири ИИФФ СО АН СССР). Ее основная цель – «научное издание выдающихся в художественном отношении фольклорных произведений народов Сибири и Дальнего Востока» [11, 3].

Важнейшим элементом подготовки изданий стала организация комплексных экспедиций по сбору необходимого эмпирического материала, включавшего, в том числе, уникальные фонографические записи и иллюстрации. Первая из этих экспедиций была направлена в Туву, Хакасию и Горный Алтай в 1983 г. [23] В следующем году участники II-й комплексной фольклорной экспедиции осуществляли изыскания на территории Приморского и Хабаровского краев [24]. В 1986 г. проводилась III Комплексная фольклорная экспедиция СО АН СССР, охватившая юго-западные районы Якутии [26].

В состав IV-й комплексной экспедиции, помимо её научного руководителя А. Б. Соктоева, Л. Н. Жуковой и А. Ф. Маликовой входили: А. Е. Аникин, В. Н. Швецов (ИИФФ СО АН СССР), Г. Н. Курилов (научный руководитель от ИЯЛИ ЯФ АН СССР), В. В. Илларионов, Ж. К. Лебедева, Л. Д. Нестерова, С. П. Ойунская, Р. С. Гаврильева, Л. Н. Демина, П. Н. Дмитриев, Х. И. Дуткин (ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР), В. И. Шейкин, Т. Игнатьева, В. Никифорова, А. А. Томский (Новосибирская консерватория им. М. И. Глинки), а также звукорежиссер Всесоюзной фирмы грамзаписи «Мелодия» (Киев) М. Л. Дидык и фотокорреспондент газеты «Наука в Сибири» (Новосибирск) В. Т. Новиков [15, Л. 1–8].

Программа работ предусматривала сбор образцов устного народного творчества и их фиксацию на бумажные носители, производство высококачественных фонозаписей для музыкальных приложений к томам названной ранее серии, а также ее обеспечение фотоиллюстративным

материалом. В связи с этим участники экспедиции были относительно неплохо оснащены технически. В их распоряжении имелись фотоаппараты, 2 профессиональных («Nagra», «Репортер-7а») и 5 бытовых магнитофонов [15, Л. 4–8].

По причине достаточно сжатых сроков экспедиции важное место отводилось предварительному этапу, который включал выявление круга наиболее интересных исполнителей и, в случае необходимости, их сосредоточение в местах проведения полевых работ. Эту подготовительную работу, опираясь на накопленную за годы фольклорных изысканий ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР сеть информантов и поддержку местных органов власти, осуществили Ж. К. Лебедева и Л. Д. Нестерова (Томпонский район), В. В. Илларионов (Верхоянский и Оймяконский районы), Г. Н. Курилов, А. Ф. Маликова и Л. Н. Демина (Верхне- и Нижнеколымский районы), а также С. П. Ойунская (Абыйский район) [15, Л. 10].

В течение 17–25 марта участники экспедиции работали в Томпонском и Оймяконском районах, где ими было зафиксировано 132 образца фольклора эвенов и якутов. С 23 по 27 марта исследования проводились в п. Улахан-Чистай (Сасыр) Момского района. Здесь от 6 исполнителей было записано 19 фонографических единиц (7 сказок, 3 песни, 5 легенд и преданий, скороговорка и 3 образца интонирования эвенского хороводного танца «Хэдьэ»). 45 фонографических единиц, включавших 17 сказок, 7 песен, 17 исполнений горлохрепения и звукоподражания, а также описание обычаев, рассказы и легенды, исследователи записали при помощи 7 знатоков юкагирского фольклора в с. Нелемное Верхнеколымского района 26–30 марта. В период с 29 марта по 11 апреля изыскания осуществлялись в н.п. Быягныр (Быягныр), Оленегорск и Чокурдах Аллаиховского района: от 5 исполнителей удалось получить 33 образца эвенского и якутского фольклора (5 сказок, 8 рассказов, 7 песен, 6 примеров интонирования танца «Хэдьэ» и сигнального интонирования, 2 отрывка из «Олонхо» и др.). Практически параллельно (31 марта – 11 апреля) велась запись 54 примеров традиционного исполнения якутского фольклора в Абыйском районе. Со 2 по 5 апреля от 6 жителей с. Березовка Среднеколымского района было записано 35 фонографических единиц исполнения эвенских песен, легенд, преданий, интонирований,

сказок и рассказов. В эти же сроки проводились работы в селах Андриюшкино и Колымское Нижнеколымского района. Здесь членам экспедиции удалось сделать записи 263 образца фольклора эвенов и юкагиров (168 песен, 10 сказок, рассказов и легенд, 3 шаманские песни и 6 выкриков-команд для оленей были получены от знатоков юкагирского народного творчества; 44 песенных импровизации и 4 примера пения в круговом танце – от эвенского). Кроме того, было зафиксировано 6 исполнений чукотского и якутского фольклора [15, Л. 11–26].

В общей сложности участники экспедиции от 108 сказителей получили 697 образцов фольклора коренных народов арктических районов Якутии. При этом, например, суммарная продолжительность записанного на магнитофон «Nagra» материала составила 1100 мин (не многим менее активно использовались возможности магнитофона «Репортер») [15, Л. 13].

Одновременно в Томпонском, Оймяконском, Верхоянском, Верхне- и Нижнеколымском районах было отснято 222 фотографии, в которых были представлены различные сюжеты материальной культуры и прикладного искусства из музейных коллекций и частных собраний, портретные снимки носителей традиционного фольклора эвенов, юкагиров и якутов, а также мастеров народного промысла. Кроме того, полученные фотоматериалы включали пейзажные и видовые композиции: характерные ландшафты; животный и растительный мир; образцы народных построек; этнические праздники, обряды и ритуалы; традиционные транспортные средства аборигенных этносов Севера и средства передвижения (тягловые животные) [15, Л. 31–36].

Руководитель экспедиции А. Б. Соктоев при этом отметил, что зафиксированная исследователями оригинальная устная поэзия аборигенных этносов, несмотря ни на что, находит силы «отстаивать своё место в современном мире грохочущих роков и брэйк-дансов, ... огромного давления на неё телевидения, радио, концертно-исполнительской деятельности». Этот «инстинкт самосохранения своей национальной культуры» учёный сравнил с образом репья из «Хаджи-Мурата» Л. Н. Толстого – как тот среди голого поля отстаивал жизнь [25].

Следует отметить, что рассмотренная экспедиция во многом является уникальной. Ни до, ни после исследований фольклора подобного

формата и масштабов в Заполярной Якутии не проводилось.

Вовсе пионерными оказались генетико-демографические исследования юкагиров и эвенов, проводившиеся Институтом цитологии и генетики СО АН СССР в течение 1985–1990 гг. в местах их компактного проживания: селах Березовка, Себян-Кюель, Андрюшкино и Нелемное [4, 31]. Задачами изысканий являлись: оценка происходящих микроэволюционных процессов; выявление особенностей генетической структуры популяций двух этносов, а также определение генетических взаимосвязей их представителей с другими коренными народами Севера [12, 41].

На основе анализа данных похозяйственных книг сельских советов, опроса глав и членов семей учёными были составлены расширенные родословные на глубину 3–5 поколений, выяснены имена, возраст, этническая принадлежность супругов, их детей и родителей, причины смерти и возраст умерших. У женщин отдельно собирались сведения о возрасте вступления в брак, числе замужеств, начале и конце репродукции, количестве и исходах беременности. Кроме того, у жителей исследованных населённых пунктов был произведён забор крови [12, 43–44].

По итогам исследований их участница О. Л. Посух разделила каждую из изученных популяций на «чистую», т.е. не смешанную с другими национальностями, и метисированную части. При этом, например, в Нелемном только 8% юкагиров являлись прямыми потомками юкагирских родов, издавна проживавших в верховьях Колымы. Не многим лучше обстояла ситуация и в Андрюшкино, юкагирское население которого глубоко перемешалось с эвенами [12, 46–47]. В результате, учёная пришла к выводу, что современные популяции юкагиров «уже не воспроизведут себя в будущем... Несмотря на официальную статистику, показывающую рост числа юкагиров (на настоящий момент их числится более 1000 человек), через 1–2 поколения эта древнейшая народность с уникальным эволюционно сложившимся генофондом... перестанет существовать как отдельный этнос, полностью «растворясь» среди окружающих народов...». Тенденции «растворения» О. Л. Посух выявила также среди эвенов Себян-Кюеля и Андрюшкино. В Березовке же ситуация была значительно более оптими-

стичной, с «вероятным» сохранением эвенского генофонда [12, 49].

Одновременно О. Л. Посух проанализировала распределение частот генов в популяциях эвенов и юкагиров и сравнила их с аналогичными сведениями по другим народам Севера [12, 58–59]. Полученная информация свидетельствовала о значительной близости юкагиров и нганасан, что на генетическом материале подтверждало выдвинутую ранее И. С. Гурвичем на основе результатов Юкагирской комплексной экспедиции концепцию о родстве этих народов, а также, частично, гипотезу Ю. Б. Симченко, предполагавшую наличие в тундровой зоне единого древнего уралоязычного этнического субстрата [22, 31].

Достаточно новаторский характер носила и проводившаяся в мае – июле 1987 г. в северных районах Якутии Колымская лингвоэтнографическая экспедиция. Она была организована в рамках выполнения совместной исследовательской темы Ленинградского отделения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (ЛО ИЭ) АН СССР (Кунсткамера) и Ленинградского отделения Института языкознания (ЛО ИЯ) АН СССР «Современная этнолингвистическая ситуация у малых народов Севера». Участвовали в экспедиции Г. Н. Грачёва (руководитель этнографической части), Б. М. Фирсов и Г. С. Авакьянц (ЛО ИЭ АН СССР), Н. Б. Вахтин (руководитель лингвистической части) и Е. С. Маслова (ЛО ИЯ АН СССР). Кроме того, в Нелемном помощь в проведении исследований названным специалистам оказывала Л. Н. Демина (ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР).

Программа работ предполагала проведение исследований в рамках четырёх основных блоков. Первый включал изучение современного состояния членения жизненного цикла человека. Второй – анализ этнической картины мира, в том числе, выяснение объёма знаний представителей исследуемого этноса о других народах, собственных субъективных отличий. В соответствии с третьим блоком планировалось выяснить существующие представления о времени и пространстве. Если основным средством получения информации по названным блокам было интервьюирование, то работы по четвёртому блоку, касающемуся особенностей поведения (обращение с хозяйственными предметами и одеждой) аборигенов, должны были опираться на метод наблюдения [9, Л. 92–95].

Кроме того, по инициативе Б. М. Фирсова был добавлен пятый блок, посвященный экологической культуре аборигенов. Основополагающим подходом к проведению исследований, по замечанию Г. Н. Грачевой, была ориентация на «выявление не того, что было, а того, что есть» [9, Л. 3].

Выбор ареала для проведения первых исследований в рамках названной выше темы был, как отметила Г. Н. Грачева, обусловлен давним и теснейшим контактом нескольких аборигенных этносов, что позволяло достаточно рельефно отразить процесс взаимовлияния культур. Вместе с тем, хотя исследование и охватило все аборигенные этнические сообщества, проживающие в Колымском регионе, в его центре все же находились юкагиры. В связи с этим были определены и места для сбора полевого материала: села Нелемное, Андрюшкино и Колымское.

Во время изысканий в течение 11 мая – 11 июля 1987 г. учёные продвигались по маршруту: Ленинград – Якутск – Зырянка – Нелемное – Андрюшкино – Колымское – Черский – Чокурдах – Москва – Ленинград. Основным средством передвижения был авиатранспорт. В Нелемном исследователи работали 18 дней, в Андрюшкино – 16 и Колымском – 10 дней, также несколько дней они провели на оленеводческих и рыболовных участках. Кроме того, в Зырянке ленинградские ученые изучили книги регистрации браков по Нелемскому сельскому совету и получили в местном Райстатотделе статистические данные о населении, распределении его по национальности и родному языку [9, Л. 4–5].

Основные сведения в Нелемном, Андрюшкино и Колымском, собирались с помощью упомянутых выше непосредственного наблюдения за жизнью аборигенов, группового и индивидуального интервьюирования. Всего исследователи взяли 111 интервью. Другими источниками получения необходимой информации были местная пресса и похозяйственные книги каждого обследованного села. Техническими «помощниками» исследователям послужили черно-белые фотоаппараты и два портативных магнитофона (информацию с которых, впрочем, из-за нехватки кассет приходилось переписывать в тетради) [9, Л. 5–6].

Несмотря на относительную традиционность поставленных задач, обращает на себя

внимание фокусировка на достаточно оригинальных для исследования коренных народов арктических районов Якутии проблемах. Связано это, возможно, было как с началом общеполитических процессов «Перестройки» в стране, позволившим учёным затрагивать целый спектр острых вопросов, включая межнациональные отношения, так и с общим развитием североведения в нашей стране. Достаточно напомнить, что именно в этот период была подготовлена, в том числе, и такая фундаментальная с методологической точки зрения работа, как монография И. И. Крупника «Арктическая этноэкология...» [7].

Такой «новый» взгляд позволил сделать целый интересных и во многом пионерных выводов, однако рамки данной работы позволяют привести только некоторые из них.

В частности, исследователи, видимо, первыми отметили происходившую этноконсолидацию юкагиров и ее базирование более на субъективных факторах, «чем на традиционной культуре или языке» [8, Л. 82]. Данный тезис основывался на выявленных в Нелемном, Андрюшкино и Колымском фактах, среди которых, например: запись детей от смешанных браков юкагирами для того, чтобы «национальность соответствовала среде» или сознательного увеличения численности этноса, роста престижа этнонима «юкагир», а также получения материальных льгот, включая высоко котирувавшиеся преференции при поступлении в ВУЗы [8, Л. 14–74]. При этом было отмечено одновременное протекание прямо противоположного процесса размыwania этнических культур под воздействием явлений, которые мы бы сейчас отнесли к последствиям глобализации, а исследователи называли их тогда «интернационализацией» [8, Л. 33].

В целом же жизнь юкагиров и других коренных народов региона, в том числе, благодаря широкому распространению телевизоров, радио, всеобщему среднему и специальному образованию, получаемому за пределами села, как выяснили участники экспедиции, уже имела больше общих черт с общесоюзной, чем самобытных. Так, во многом соответствовало русским, общесоюзным нормам членение жизненного цикла. Важнейшее место в нём занимало начало учёбы и окончание ребёнком школы, служба в армии, женитьба или замужество и т.п. Вместе с тем, например, в

Нелемном ещё сохранялись отголоски прошлого – существенной вехой по-прежнему считалось достижение мальчиком 12–15-летнего возраста и начало им самостоятельной охоты. Отражала общепринятые в России, СССР стандарты также пространственная и временная ориентация аборигенов. Однако в связи с сохранностью оленеводства, рыболовства и охоты как ведущих отраслей хозяйства пласт самобытных моментов исследователи выявили и в этом отношении [8, Л. 51–52].

Быстрее же всего, по наблюдениям участников изысканий, трансформировалась материальная культура, где «сметались даже те традиционные элементы, которые до сих пор имеют большое значение». В частности, оленья промысловая одежда повсеместно заменялась ватниками, вышли из употребления легкие рыбацьи лодки и широкие охотничьи лыжи [8, Л. 35].

Аналогичные процессы унификации наблюдались и в языковой сфере. Н. Б. Вахтин и Е. С. Маслова выявили роль употребляемых языков в каждом из обследованных населенных пунктов. Так, в Нелемном значимость языков распределялась следующим образом: русский, якутский, юкагирский, эвенский, а из 89 опрошенных в этом населенном пункте юкагиров родной язык на первое место поставили только 9 человек, средний возраст которых составил 64 года. При этом, по мнению исследователей, сфера применения юкагирского языка фактически была утрачена, и в результате его преподавание в нелемской школе напоминало «преподавание иностранного языка» [8, Л. 33]. Схожие лингвистические приоритеты были в Андрюшкино (якутский, русский, эвенский, юкагирский и очень мало – чукотский) и Колымском (русский, чукотский, якутский, эвенский и юкагирский). Отмеченный же в Нижнеколымском районе за 30 лет до этого И. С. Гурвичем феномен многоязычия [2, Л. 14–16] был зафиксирован лишь у пожилых людей [8, Л. 43, 66–67]. Кроме того, в ходе экспедиции был собран материал по терминологии юкагиров, несмотря на то, что большая её оригинальная часть уже являлась архаизмами. Этой терминологией также владело лишь старшее поколение [8, Л. 15–16].

Кроме того, любопытны выявленные исследователями представления аборигенов о проживающих с ними бок о бок народах. Несмотря на то, что представители близких национальностей в основном характеризовались

положительно, в отчете экспедиции были приведены и достаточно острые «этнические оценки», данные местными жителями [8, Л. 20–74]. В частности, удивила исследователей сохранившаяся спустя целые десятилетия острейшая неприязнь верхнеколымских юкагиров к своим историческим противникам – корякам. При том, что их «подавляющее большинство “вживе” никогда не видело коряков» [8, Л. 21].

Если рассмотренные выше изыскания были в значительной степени новаторскими, то исследования, о которых пойдёт речь ниже, принципиально отличались от работ, проводимых ранее советскими учёными в Якутии. Фактически эти исследования стали переходными в оценке советской модернизации для судеб коренных малочисленных народов Севера от позиций, господствовавших в историографии на протяжении значительной части XX столетия, к точки зрения, которая станет превалировать среди североведов в 1990-е гг. Итогом этих исследований, проводившихся участниками межсекторальной группы сотрудников Якутского филиала АН СССР, стал представленный в 1988 г. научный отчёт «Характер и тенденции развития социально-культурных, языковых процессов у народностей Севера Якутии».

Конечно же, будет несправедливо утверждать, что ранее учёные не обращали внимание на проблемы в социально-экономическом развитии коренных малочисленных народов Севера Якутии, связанные с советской модернизацией. Однако до этого скорее критиковались частности, в названной же работе негативную оценку получили сами походы по отношению к аборигенным этносам.

Так, в отчете говорилось об отсутствии «в современной концепции промышленного освоения Севера гуманистической заботы о коренных народностях», непродуманности «системы их жизнеобеспечения в новой преобразованной среде». В связи с этим, одной из основных позиций его авторов была идея о необходимости возвращения коренным народам Севера «возможности образовывать национальные округа, районы и советы», что являлось «единственно возможным условием всестороннего развития» данных этносов «в условиях НТП (*научно-технического прогресса* – А.С.), интенсивных урбанизационных и миграционных процессов». Предоставление такого права, по замыслу исследователей, позволило бы представителям

коренных народов обладать приоритетными возможностями при решении вопросов природо- и землепользования, получать компенсации от «министерств и ведомств, ведущих промышленное освоение», принимать реальное участие в выработке решений органов власти, «широко внедрять» местное самоуправление [21, Л. 3–4].

Вполне в духе эпохи Перестройки фундаментальные истоки сложившегося положения дел исследователи видели в мероприятиях 30-х гг. XX в., когда, по их мнению, «в результате торопливости и администраторского увлечения в решении судебных народностей Севера» не учитывались особенности традиционного расселения и образа жизни аборигенов, что привело в конечном счете к «выхолащиванию гуманистической сути ленинской национальной политики» [21, Л. 5–6].

При этом, если раньше в научном мире отстаивалась необходимость ускоренного перевода кочевого населения на оседлый образ жизни, то в рассматриваемом документе говорилось уже о «деструктивных изменениях», которые внесла такая «коренная ломка» в традиционную культуру и существующей в связи с этим «тенденции необратимости в условиях стационарного проживания» [21, Л. 6].

Одной из причин кризисных явлений авторы отчёта, как представляется справедливо, назва-

ли отсутствие законодательных гарантий обеспечения прав коренных народов Севера, неподготовленных «к ускоренной модернизации» и живущих «только дарами природы, разрушение которой неминуемо надвигалось» [21].

Именно правовая защита ареалов проживания аборигенных этносов и закрепление за ними «определённых территорий в исключительное пользование», а также наделение их «политическими и юридическими правами самим выбирать свой путь» должны были стать, по замыслу исследователей, основой принципиально нового подхода к развитию Арктики [21, Л. 9–10].

Обсуждение и заключения

Таким образом, 80-е гг. XX в. в истории научного изучения коренных малочисленных народов Севера, с одной стороны, характеризовались успешным продолжением проводившихся в предыдущие периоды исследований в области фольклора и лингвистики, с другой – появлением новых направлений изысканий и переосмыслением разработанных ранее положений. Данные новации были обусловлены, как развитием науки, так и стремительно менявшейся общественно-политической ситуацией в стране.

Список источников и литературы

1. Алексеев Н. А. ИГИиПМНС СО РАН: этапы истории и перспективы развития // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2010. № 1. С. 5–10.
2. Архив Российской академии наук. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1202.
3. Боякова С. И. Гуманитарные проблемы Арктики: основные направления научных исследований // Якутия в российском научном пространстве XX – нач. XXI вв.: гуманитарные исследования. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2005. С. 56–70.
4. Донской Ф. С., Курилов Г. Н., Слепцов Я. Г. и др. Проблемы возрождения исчезающих юкагиrow. Якутск: Северовед, 1996. 140 с.
5. Ермолаева Ю.Н. Этнографические исследования Якутской экспедиции АН СССР 1925–1930 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4. Т. 2. С. 54–57.
6. Кривошапкин А. В. Великий патриот Севера. Якутск: Бичик, 2012. 96 с.
7. Крупник И. И. Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 270 с.
8. Научный архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (НА МАЭ) РАН. Ф. К-1. Оп. 2.
9. НА МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 1528.
10. Николаева И. А. Проблема урало-юкагирских генетических связей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988. 24 с.
11. Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Эвенкийские героические сказания / Сост. А. Н. Мыреева. Новосибирск: Наука, 1990. 392 с.
12. Посух О. Л. Генетико-демографическое изучение популяций эвенов и юкагиrow Якутии // Популяционно-генетическое изучение северных народностей. Новосибирск: ИЦИГ СО РАН, 1992. С. 41–65.
13. Правила орфографии юкагирского языка / Сост. Г.Н. Курилов. Якутск: ЛОП ЯГУ, 1987. 31 с.

14. Роббек В. А. Язык эвенов Березовки. Л.: Наука, 1989. 207 с.
15. Рукописный фонд Архива Якутского научного центра Сибирского отделения (РФ АЯНЦ СО) РАН. Ф. 5. Оп. 13. Д. 257.
16. РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 74.
17. РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 139.
18. РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 141.
19. РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 144.
20. РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 169.
21. РФ АЯНЦ СО РАН. Оп. 19. Д. 28.
22. Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М.: Наука, 1976. 312 с.
23. Соктоев А. Б. К родникам творчества (о I комплексной фольклорной экспедиции по Туве, Хакасии и Горному Алтаю) // Наука в Сибири. 1984. 12 июля.
24. Соктоев А. Б. К родникам творчества (о II комплексной фольклорной экспедиции по Приморскому и Хабаровскому краям) // Наука в Сибири. 1985. 29 августа.
25. Соктоев А. Б. Сияние северной поэзии // Наука в Сибири. 1987. 3 сентября.
26. Соктоев А. Б. Фольклорный край Якутия (о III комплексной фольклорной экспедиции в районы Юго-Западной Якутии) // Наука в Сибири. 1986. 14 августа.
27. Жукова Л. Н., Николаева И. А., Демина Л. Н. Фольклор юкагиров Верхней Колымы. Якутск: Изд. Якутского госуниверситета, 1989. Ч. 1. 160 с.; Ч. 2. 88 с.
28. Ширина Д. А. Отечественная наука и изучение Якутии в XVIII – начале XX вв. // Исторические связи народов Якутии с русским народом. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1987. С. 40–76.

References

1. Alekseev N. A. *IGliPMNS SO RAN: etapyi istorii i perspektivy razvitiya* [IHRISN SB RAS: stages of history and prospects of development]. *Severo-vostochnyyi gumanitarnyyi vestnik* [North-Eastern journal of humanities], 2010, no. 1, pp. 5–10. (In Russian)
2. *Arhiv Rossijskoj akademii nauk* [Archive of the Russian Academy of Sciences]. F. 142. Inv. 1. S. 1202. (In Russian)
3. Boyakova S. I. *Gumanitarnye problemy Arktiki: osnovnyie napravleniya nauchnyih issledovaniy* [Humanitarian problems of the Arctic: the main directions of scientific research]. *Yakutiya v rossiyskom nauchnom prostranstve XX – nach. XXI vv.: gumanitarnye issledovaniya* [Yakutia in the Russian scientific space of the XX – beginning of XXI centuries: humanitarian research]. Yakutsk: YaNTs SO RAN Publ., 2005, pp. 56–70. (In Russian)
4. Donskoy F. S., Kurilov G. N., Sleptsov Ya. G. *Problemyi vrozozhdeniya ischezayuschih yukagirov* [The problems of the revival of the disappearing Yukagirs]. Yakutsk: Severove Publ., 1996. 140 p. (In Russian)
5. Ermolaeva Yu. N. *Etnograficheskie issledovaniya Yakutskoy ekspeditsii AN SSSR 1925–1930 gg.* [Ethnographic researches of the Yakut expedition of the Academy of Sciences of USSR in 1925–1930]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Altai State University], 2009, no. 4, vol. 2, pp. 54–57. (In Russian)
6. Krivoshapkin A. V. *Velikiy patriot Severa* [The great patriot of the North]. Yakutsk: Bichik Publ., 2012. 96 p. (In Russian)
7. Krupnik I. I. *Arkticheskaya etnoekologiya: Modeli traditsionnogo prirodopolzovaniya morskikh ohotnikov i olenevodov Severnoy Evrazii* [Arctic ethno-ecology: Models of traditional nature management of sea hunters and reindeer herders of the Northern Eurasia]. Moscow: Nauka Publ., 1989. 270 p. (In Russian)
8. *Nauchnyj arhiv Muzeya antropologii i ehtnografii im. Petra Velikogo (NA MAEH) RAN* [Scientific archive of the Museum of Anthropology and Ethnography after the name of Peter the Great (IAE) of the RAS]. F. K-I. Inv. 2. (In Russian)
9. *Nauchnyj arhiv Muzeya antropologii i ehtnografii im. Petra Velikogo (NA MAEH) RAN* [Scientific archive of the Museum of Anthropology and Ethnography after the name of Peter the Great (IAE) of the RAS]. F. K-I. Inv. 2. S. 1528. (In Russian)
10. Nikolaeva I. A. *Problema uralo-yukagirskih geneticheskikh svyazey* [The problem of the Ural-Yukaghir genetic links]. Moscow, 1988. 24 p. (In Russian)
11. *Pamyatniki folklora narodov Sibiri i Dalnego Vostoka. Evenkiyskie geroicheskie skazaniya* [Monuments of folklore of the people of Siberia and the Far East. The Evenk heroic legends]. Comp. by A. N. Myreeva. Novosibirsk: Nauka Publ., 1990. 392 p. (In Russian)

12. Posukh O. L. *Genetiko-demograficheskoe izuchenie populyatsiy evenov i yukagirov Yakutii* [Genetic-demographic study of populations of the Evens and Yukagirs of Yakutia]. *Populyatsionno-geneticheskoe izuchenie severnykh narodnostey* [Population-genetic study of northern nationalities]. Novosibirsk: ICaG SB RAS Publ., 1992. pp. 41–65. (In Russian)
13. *Pravila orfografii yukagirskogo yazyika* [Rules of orthography of the Yukagir language]. Comp. by. G. N. Kurilov. Yakutsk: LOP YaGU Publ., 1987. 31 p. (In Russian)
14. Robbek V. A. *Yazyik evenov Berezovki* [The language of the Evens of Berezovka]. Leningrad: Nauka Publ., 1989. 207 p. (In Russian)
15. *Rukopisnyy fond Arhiva Yakutskogo nauchnogo centra Sibirskogo otdeleniya (RF AYNC SO) RAN* [Manuscript Fund of the Archives of the Yakutsk Scientific Center of the Siberian Branch (MF of the AYSC SB) of the Russian Academy of Sciences]. F. 5. Inv. 13. S. 257. (In Russian)
16. *RF AYANC SO RAN* [MF of the AYSC SB of the RAS]. F. 5. Inv. 14. S. 74. (In Russian)
17. *RF AYANC SO RAN* [MF of the AYSC SB of the RAS]. F. 5. Inv. 14. S. 139. (In Russian)
18. *RF AYANC SO RAN* [MF of the AYSC SB of the RAS]. F. 5. Inv. 14. S. 141. (In Russian)
19. *RF AYANC SO RAN* [MF of the AYSC SB of the RAS]. F. 5. Inv. 14. S. 144. (In Russian)
20. *RF AYANC SO RAN* [MF of the AYSC SB of the RAS]. F. 5. Inv. 14. S. 169. (In Russian)
21. *RF AYANC SO RAN* [MF of the AYSC SB of the RAS]. Inv. 19. S. 28. (In Russian)
22. Simchenko Yu. B. *Kultura ohotnikov na oleney Severnoy Evrazii* [Culture of deer hunters of Northern Eurasia]. Moscow: Nauka Publ., 1976. 312 p. (In Russian)
23. Soktoev A. B. *K rodnikam tvorchestva (o I kompleksnoy folklornoy ekspeditsii po Tuve, Hakasii i Gornomu Altayu)* [To the sources of creativity (about the 1st complex folklore expedition in Tuva, Khakassia and Gorny Altai)]. *Nauka v Sibiri* [Science in Siberia], 1984, July 12. (In Russian)
24. Soktoev A. B. *K rodnikam tvorchestva (o II kompleksnoy folklornoy ekspeditsii po Primorskoy i Habarovskoy krayam)* [To the sources of creativity (about the 2nd complex folklore expedition in Tuva, Khakassia and Gorny Altai)]. *Nauka v Sibiri* [Science in Siberia], 1985, August 29. (In Russian)
25. Soktoev A. B. *K rodnikam tvorchestva (o II kompleksnoy folklornoy ekspeditsii po Primorskoy i Habarovskoy krayam)* [To the sources of creativity (about the 2nd complex folklore expedition in Primorsky and Khabarovsk Krai)]. *Nauka v Sibiri* [Science in Siberia], 1985, August 29. (In Russian)
26. Soktoev A. B. *Siyanie severnoy poezii* [Radiance of the northern poetry]. *Nauka v Sibiri* [Science in Siberia], 1987, September 3. (In Russian)
27. Soktoev A. B. *Folklornyiy kray Yakutiya (o III kompleksnoy folklornoy ekspeditsii v rayony Yugo-Zapadnoy Yakutii)* [The folklore region – Yakutia (about the 3rd complex folklore expedition to the Districts of South-West Yakutia)]. *Nauka v Sibiri* [Science in Siberia], 1986, August 14. (In Russian)
28. Shirina D. A. *Otechestvennaya nauka i izuchenie Yakutii v XVIII - nachale XX vv.* [Russian science and the study of Yakutia in the XVIII – early XX centuries]. *Istoricheskie svyazi narodov Yakutii s russkim narodom* [Historical connections of people of Yakutia with the Russian people]. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1987, pp. 40–76. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Сулейманов Александр Альбертович, старший научный сотрудник отдела истории и этносоциологии Арктики, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (677027, Российская Федерация, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского 1), кандидат исторических наук.

alexas1306@gmail.com

ORCID 0000-0001-8746-258X

ABOUT THE AUTHOR:

Suleymanov Alexander Albertovich, Senior Researcher, Department of History and Ethno-sociology of Arctic, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch (6770071, Russian Federation, the Sakha (Yakutia) Republic, Yakutsk, Petrovskogo st., 1), Candidate of Historical Sciences.

alexas1306@gmail.com

ORCID 0000-0001-8746-258X